

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА ЩАДНЕВА

Тартуский университет (Эстония)

Топонимика западного побережья Чудского, Теплового и Псковского озер в аспекте оппозиции “свой” – “чужой”

Статья посвящена реализации оппозиции “свой” — “чужой” в топонимах Западного Причудья и Обозерья (Эстония), преимущественно в названиях деревень, в которых проживают староверы. Рассматриваются две формы реализации оппозиции на территории с издавна соседствующим эстонским и русским населением. Во-первых, оппозиция реализуется во взаимодействии языков, в результате которого — путем заимствования с последующей адаптацией на разных языковых уровнях — эстонские географические наименования русифицируются, а русские — эстонизируются. Во-вторых, оппозиция реализуется в речевой практике: старожилы отдают предпочтение русским и тем адаптированным эстонским номинациям, которые воспринимаются как свои.

Ключевые слова: русский язык, взаимодействие языков, топонимы в языке и речи, топонимические легенды, “свой” — “чужой”, староверы.

Введение

В статье* рассматриваются топонимы русских населенных пунктов западного побережья Чудского, Теплового и Псковского озер (Западного Причудья и Обозерья). В первую очередь обсуждаются названия деревень Западного Причудья, ибо здесь на участке берега между Муствее и Варнья проживает бóльшая часть староверов Эстонии¹. Источником языковых данных стал рукописный архив кафедры русского языка Тартуского университета, прежде всего, материалы ежегодной диалектологической практики, которая в 50–70 гг. XX в. проводилась под руководством Т. Ф. Мурниковой — известного диалектолога и исследователя старожильческих говоров. Учитывались записи двух типов:

* Исследование осуществлено при поддержке гос. программы «Эстонский язык и народная память», тема ЕККМ14-299 «Составление лексикона старообрядческой народной культуры».

1) речь информантов, 2) пересказ их речи собирателями-студентами. В текстовых примерах оба типа записей приводятся с сохранением всех языковых особенностей. Используются также электронные записи, предоставленные автору статьи О. Н. Паликовой — многолетним исследователем западно-причудского говора староверов и постоянным участником полевых работ, которые регулярно проводятся отделением славистики Тартуского университета. Источником историко-фактической информации — географических номинаций разных эпох, связанных с топонимами дат — послужили монографические издания и статьи, содержащие свидетельства о русских деревнях Эстонии: документированные исторические данные, исторические документы и их фрагменты [Moora 1964; Рихтер 1976; Агеева 2004; Дубьева 2007; Михайлов 2008; Šog 2015]. В ряде случаев учитывались сведения из эстонского топонимического словаря [ЕК].

В статье обсуждается топонимический класс ойконимов. Цель публикации — рассмотреть в аспекте “свой” — “чужой” а) наиболее яркие языковые характеристики ойконимов региона, а также б) особенности употребления географических номинаций в речевой практике местного населения (в первую очередь в речи староверов). Актуальность темы обусловлена тем, что отражение географических представлений в языке и речи входит в картину мира человека и своеобразно закрепляет его этническую идентичность, поскольку топонимы выступают в качестве символов, определяющих семиотическое пространство как личности, так и этнического сообщества. При этом историческая народная память как важная составная часть этнического и конфессионального самосознания естественным образом включает в себя идею “свой” — “чужой”.

Топоним в речи — это всегда свидетельство культурного освоения пространства [Тихонова 2013, 180], поскольку человек “ориентируется на местности по объектам, расположение которых ему хорошо известно” [там же, 181]. В силу особой значимости топонимов процесс освоения жизненного пространства через их использование отражается в речи, формируя специфическую языковую картину мира и проявляясь в реализации универсальной оппозиции “свой” — “чужой”.

Топонимы попадают в разряд “своих” в первую очередь в том случае, если связаны с родным домом и хорошо знакомыми местами в своем населенном пункте и вокруг него. Система топонимов конкретного локуса (названия селений, близлежащих сельскохозяйственных угодий, источников воды и других значимых для населения объектов) — это одновременно и упорядоченность земельных отношений, являющихся в сельской местности основой взаимоотношений членов общины [Ти-

хонова 2013, 181–182]. В то же время совокупность номинаций частного локуса является привычной системой ориентиров на местности, что наглядно иллюстрирует проведенный О. Н. Паликовой всесторонний анализ народной географической лексики острова Пийриссаар [Паликова 2012, 160–167].

Подобное детальное изучение топонимики материковой части побережья еще не проведено, поэтому материал данной статьи следует рассматривать как систематизацию первичных сведений о топонимах тех прибрежных материковых поселений, в которых рядом с эстонским проживает русское старообрядческое и новообрядческое (православное, принявшее никоновские реформы) население, представленное в населенных пунктах либо преобладающим, либо значительным числом русскоязычных жителей.

2. Названия русских поселений Западного Причудья и Обозерья

Установление точной даты появления того или иного поселения возможно далеко не всегда. В исторической науке важным считается первое упоминание населенного пункта в письменных источниках, однако то или иное место могло быть заселенным задолго до первой его фиксации. Сказанное относится и к появившимся в разные исторические эпохи русским деревням на западном побережье Чудского, Теплого и Псковского озер. Очевидно, что русское население, занимавшееся рыболовным промыслом, проживало здесь — сначала временно (в сезон ловли рыбы), а затем постоянно — с давних пор, о чем свидетельствует наличие в регионе славянских топонимов, отмеченных в разных исторических документах на шведском, польском и русском языках [Моога 1964, 52–53; Агеева 2004, 131–143; см. также материалы ЕК]. Первое письменное упоминание о русских на побережье датируется 1336 годом, когда Дерптский епископ Энгельберт фон Долен приказал своим рыцарям снести временные сарайчики сезонных русских рыбаков в наказание за лов рыбы в принадлежащих ему водах [Калласте]. В то же время о том, что русские расселялись и в тех местах (обычно — по берегам рек, как показывают топонимические факты), где уже было местное население, говорит наличие топонимов с весьма неопределенной мотивацией названий.

Население всего побережья никогда не было этнически гомогенным [подробнее см.: Моога 1964; Рихтер 1976, 1996; Šor 2015; Паликова 2016]. Населенные пункты с тем или иным преобладающим национальным и конфессиональным составом перемежаются и в наше время: в одних деревнях преобладают старообрядцы, в других — русские, придерживающиеся православия, в третьих — эстонцы, что не исключает

наличия в деревнях жителей иных национальностей и конфессий. Состав населения мог со временем меняться: так, по данным ревизии 1818–1820 гг. в старообрядческих Больших и Малых Кольках было 78 русских семей (эстонцев не было), по материалам же переписи населения 1932 г. — 152 русские и 4 эстонские семьи [Моога 1964, 94–95].

Значимая для местного населения оппозиция “свой” — “чужой” отражается не только в топонимии, но и в подчеркивании старожилами своей гендерной, конфессиональной, этнической принадлежности [подробнее см.: Щаднева 2017, 211–226]. Разграничение “своего” и “чужого” отмечается на всем побережье, включая Обозерье:

(1) *А в Лябницах чиста русские живут, у нас почти всё староверы, а тама христиани.* (Березье, 1970)

Эта оппозиция проявляется и в слове *полуверцы* (без отрицательных коннотаций), которым называют православных сету — эстов, сохранивших некоторые языческие обряды, а также обэстонившихся русских лютеран.

Как неоднократно отмечали исследователи, скудные почвы Западного Причудья и Обозерья не привлекали эстонцев, занимавшихся хлебопашеством, а русские жители, в отличие от эстонцев, обычно промышляли рыбной ловлей, отходничеством и огородничеством. Это стало одной из причин постепенного доминирования на побережье русского населения (старообрядческого и новообрядческого), приведшего к относительной этнической гомогенности собственно береговых деревень [Паликова 2016, 19]. Если в деревне жили эстонцы, они обычно селились компактно, поэтому в разных деревнях до сих пор используется микропоним *эстонский край* [там же], и в этом своеобразном микропониме также находит языковое отражение идея “своего” — “чужого”. Не менее ярко эта идея воплощается и в самих географических номинациях.

Чтобы дать некоторое представление о названиях деревень и городков, в которых русское население или доминирует, как в Западном Причудье, или же составляет достаточно большое число жителей, перечислим топонимы (и их варианты) по эстонской части побережья. В список географических названий включены следующие сведения: 1) эстонские топонимы (полужирным прямым шрифтом выделены современные официальные эстонские названия, затем, в бесспорных случаях, указываются значения эстонских номинаций); 2) кириллические соответствия современным эстонским топонимам; 3) полужирным курсивом в списке приводятся русские варианты, отраженные в кириллических документах разного времени², а также используемые в деревенском узузе;

4) в круглых скобках отмечаются даты первых упоминаний о поселениях и — прямым шрифтом — их названия на латинице и кириллице; поскольку в ряде случаев географические номинации неоднократно менялись, то вместе с датами последующих упоминаний приводятся наиболее отличающиеся друг от друга варианты названий (по материалам публикаций, указанных во введении); 5) в некоторых случаях даются уточняющие комментарии.

Приведем перечень обсуждаемых далее топонимов эстонского побережья Чудского, Теплового и Псковского озер (с севера на юг):

1. **Lohusuu** (эст. *lohk*, Gen. *lohu* + *suu* ‘углубление, впадина + устье’) — Лóхусуу: Vene Lohusuu / Veneküla (эст. *vene* + *küla* ‘русская деревня’) — *Русская Лóхусуу* / *Русская Деревня* / *Лбговесь* / *Лбговесть* / *Лбгоза* / *Логозá* (1599 — wioská Jugowiec, Logowiec)
2. **Mustvee** (эст. *must* + *vesi*, Gen. *vee* ‘черная вода’; о речке) — Мúствез / *село Чёрное* / *Чёрное-Село* / *деревня Чёрная* / *Посад Чорна* / *Посад Чёрный* / *Чёрный Посад* (1493 — Mustut; 1559 — wioská Musth alias Czarne)
3. **Raja** (эст. *raja* ‘граница, межа’) — Рáя / *Рáюша* / *Рáюши* (1782 — Mustwe Raja)
4. **Kükita** — Кюкита / *Кйкита* (1599 — wioská Kikiuta; 1624 — Kückkita)
5. **Tiheda** — Тйхедá / *Тйхотка* (1601 — Dehuta; 1624 — Tieheta; 1839 — Tihheda) [ЕК, 662]
6. **Omedu** — Óмеду / *Óмут* (1590 — willa Ommieden; 1599 — wioská Omuth)
7. **Kallaste** (эст. *kallas* ‘берег’) — Кáлласте / *Крáсные горы* / *Крáсно-Горы* / *Красногóр* (1796 — Krasnaja gora, Красная гора)
8. **Rootsiküla** (эст. *rootsi* + *küla* ‘шведская деревня’) — Рóотсикюла / *Рóтчина* / *Рóтчино* / *Рóчино* / *Рóтча* (1582 — Roczy; 1592 — Roczyrand; 1601 — Rotze Kulla; 1638 — Roczi. Деревня издавна была русской; шведы в ней никогда не жили.)
9. **Nina** (эст. *nina* ‘нос’) — Нйна / *Нос* (1582 — Noss Derevnja; 1722 — Nennalt; 1796 — Noss Derewnija)
10. **Kolkja** — Кóлькья / *Кóльки*: Väike Kolkja — *Малые Кóльки* (исторически первое поселение); Suur Kolkja — *Большие Кóльки* (1582, 1591 — Kolko; 1601 — Kolk, Kolck)
11. Sohvia / Sofia — *София* (Деревня возникла в 1878 г.; в настоящее время входит в сельский поселок Кóлькья.)
12. Kirepi — *Кóстина* / *Кóстино* (1839 — Kirrepäh; 1900 — Kйремпи, Кóстина. Деревня находится на небольшом отдалении от берега озера; сейчас входит в село Metsakivi.) [ЕК, 208]

13. **Sipelga** (эст. *sipelga*- ‘муравьиный’) — Сипельга / *Муравьёвка* (Деревня возникла в 1928 г. на небольшом отдалении от берега озера.) [ЕК, 611]
14. **Kasepää** (эст. *kask*, Ген. *kase* + *pea*, диал. *pää* ‘берёзовая голова’) — Кáзепяэ: Vene Kasepää — Русская Кáзепяэ / *Кáзепя* / *Кáзанель* / *Кáзенель*; Vana Kasepää — *Старая Кáзенель*; Uus Kasepää — *Новая Кáзенель* (1582 — Kazare, Kasopa; 1592 — Kasore; 1601 — Kassepe)
15. **Varnja** — Вáрнья / *Воронья* / *Варанья* (1582, 1591 — Warnia, 1601 — Warny)
16. **Mehikoorma** — Мéхикоорма / *Ўзмень* / *Ўзменка* / *Йзмень* / *Йзменка* (1472–1473 — Измень, Изменка; 1582 — Mehikorm; 1592 — Miechikorm albo Zmien; 1630 — Mehikorm eller Issmien и др. Сейчас русские варианты отражены только в исторических документах.)
17. **Beresje** — Берéзье / *Берёзье* / *Берёсье* (1585–1587 — Берэзье, Подберэзья; 1686 — Подберезная и др.)
18. **Võõpsu** — Выыпсу / *Выбóвка* / *Лубóвка* (1427–1428 — у Выбовске; 1558 — Weipso; 1585 — Выбовско; 1750 — Выбовка; 1796 — Libowka; 1855 — Лубовка; 1904 — Võõpsu, Выбóвка, Лыбóвка и др. Деревня находится в отдалении от берега озера.) [ЕК, 784]
19. **Lüübniita** — Лióбница / *Любница* / *Любницы* (1510 — и на Любницах) [ЕК, 352]

3. Топонимы прибрежной территории в свете взаимодействия языков

Анализ топонимов с точки зрения оппозиции “свой” — “чужой” затрагивает как этимологически очевидные, так и проблемные названия населенных пунктов. Окончательное решение вопроса о значении ряда топонимов неясного происхождения, о мотивации таких географических номинаций относится к компетенции специалистов по этимологии, так как русские топонимы могут быть производными от эстонских: например, вполне вероятно, что название *Логозá* является результатом адаптации эстонского ойконима *Lohusuu*. В свою очередь, это наименование расположенного недалеко от устья реки Авийыги селения предположительно образовано от эст. *lohk* (Ген. *lohu*) + *sui*, что означает ‘углубление, впадина + устье’ [ЕК, 332]. Кроме того, и топонимы с очевидными русскими корнями порой допускают двоякую трактовку: например, *Берéзье* может быть мотивировано либо словом *берег*, либо словом *берёза*.

Диалектный материал Причудья и Обозерья свидетельствует о наличии в регионе вариантных топонимических преданий, в которых топонимы объясняются по-разному. Вариативность свойственна и самим географическим номинациям (и в диахронии, и в синхронии), например: *Raja* — *Rája* / *Раюша* / *Рáюши*; *Kallaste* — *Кállасте* / *Крáсные горы* / *Крáсно-Горы* / *Красногóр*; *Kasepää* / *Kasope* / *Vene Kasepää* — *Русская Кáзепяэ* / *Кáзепя* / *Кáзепель* / *Кáзепель* и др.

Для рассматриваемой территории типичным является исторический процесс дублирования деревень, сопровождавшийся либо возникновением новых топонимов: *София*, *Муравьевка*, либо уточнением старых: *Малые Кóльки* — *Большие Кóльки*, *Малая Тíхотка* — *Большая Тíхотка*, *Старая Кáзепель* — *Новая Кáзепель*. Дублирование русских поселений происходило по нескольким причинам, к которым относятся: 1) природные условия (размывание берега во время весеннего ледохода, регулярное затопление домов), 2) деление территории побережья, обусловленное имущественными отношениями между баронами — хозяевами земель в разных имениях, 3) отселение семей из-за недостатка земли.

Деление населенного пункта может быть в определенной степени обусловлено и этнически. Так, посёлок *Lohusuu* сейчас объединяет два прежних селения: расположенную на самом берегу озера русскую рыбацкую деревню *Vene-Lohusuu* — *Русскую деревню* / *Логозу́* и находящуюся на некотором отдалении от берега эстонскую деревню *Eesti-Lohusuu*. То же наблюдается и в посёлке *Выыпсу*, который, согласно эстонским преданиям, когда-то назывался *Воосу* — по старому названию реки Выханду. Предполагается, что русские стали произносить название *Воосу* как *Вообсуу*, позднее преобразовав его в *Выыпсу* [Выыпсу]. По этой версии отгидронимический ойконим *Выыпсу* также имеет русское происхождение, хотя и содержит эстонскую основу. В свою очередь, у русских местных жителей, судя по данным архива кафедры русского языка Тартуского университета (записи 60–70 гг. XX в.), есть две топонимические версии: а) *Выыпсу* — это *Лубóвка*; б) на северном берегу реки Выханду находится эстонская деревня *Выыпсу*, а на южном — русская деревня *Лубóвка*:

(2) *В царское время дярэвня называлась Луббóвкой, а тяперича Выыпсу.* (Выыпсу, 1970)

(3) *Выыпсу — эстонское название, а Луббóвка — русское. Употреблялица тапéрича больше Выыпсу, многие называют Луббóвкой. А от чабó произошло и ни знаю, чабó ни знаю, и говорить ня бóду. Наша дярэвня была сама по сябé, независимые от помещика были.* (Березье, 1970)

Вместе с тем не исключено, что *Лубóвка* является более поздним преобразованием названия *Выбовка* [ср. наименования в: ЕК, 784]. Имеются сведения о том, что в 1710 г. последователи Феодосия Васильева построили на реке Выбовке общежительный монастырь федосеевцев (феодосиевцев), который был razорен солдатами в 1722 г., после чего федосеевцы переселились на север, где основали две деревни — *Рая* и *Малые Кольки* [Бегунов 1960, 522] (эти данные еще раз подтверждают, что поселения могли существовать задолго до их первой фиксации и что русское население жило рядом с эстонским с давних пор).

Эстонские и русские географические наименования могут быть схожими по форме, и не всегда можно установить, какие топонимы являются исконно эстонскими, а какие — исконно русскими (как в случае с *Tiheda* — *Tíxeda* / *Tíxotka*), какая номинация была первичной (как в случае с *Sipelga* — *Муравьёвка*). Несомненно то, что употребляемые старожилками наименования русских населенных пунктов могут быть разными по происхождению, при этом кроме этимологически прозрачных имеется и немало весьма сложных случаев, требующих специального исследования. Следует отметить, что ряд, казалось бы, вполне русских названий (*Кóльки*, *Рóтчина*, *Кíкита*, *Tíxotka*) допускает разную этимологизацию, и поиск исконного значения каждого конкретного топонима является сложной этимологической задачей.

С точки зрения предполагаемого языка-источника, то есть направления заимствования, топонимы условно группируются следующим образом:

- 1) заимствованные из эстонского (*Кáлласте*, *Рáя*, *Кáзепя*);
- 2) производные от эстонских номинаций, но адаптированные фонетически и грамматически к русскому языку (*Рáюши*, *Кáзепель*);
- 3) производные от русских номинаций, но адаптированные фонетически к эстонскому языку (*Óмеду*, *Вáрнья*);
- 4) русские (*Нос*, *Муравьёвка*, *Воронья*, *Берёзье*, *Любница*);
- 5) предположительно переводные с русского языка (*Нíна* / *Nina* от *Нос*; *Сúпельга* / *Sipelga* от *Муравьёвка*);
- 6) неясного происхождения; возможны разные версии этимологизации (*Лóгоза* / *Логозá*, *Кóльки*, *Рóтчина*, *Кíкита*, *Tíxotka*).

Языковые факты свидетельствуют о том, что в ходе формирования топонимов и их вариантов происходили встречные языковые процессы. Географические номинации данной территории формировались двумя путями: 1) из эстонского в русский и 2) из русского в эстонский, причем эстонские географические наименования русифицировались (*Рáюши*, *Кáзепель*), а русские — эстонизировались (*Óмут* — *Óмеду* / *Omedu*, *Любница* — *Lüübniisa*, *Воронья* — *Вáрнья* / *Varnja*). В итоге же заим-

ствованное “чужое” адаптируется на разных языковых уровнях (прежде всего фонетическом и морфологическом), усваивается и переходит в область “своего”. Так оппозиция “свой” — “чужой”, реализуясь в самом языке, по сути дела, в нем же и снимается.

К сожалению, сведения о происхождении топонимов постепенно утрачиваются. Местные жители не могут однозначно объяснить происхождение названий, думается, и в силу привыкания к исконно “чужому”, постепенному его восприятию как “своего”, и в силу естественного приспособления к жизни в иноязычном окружении.

Произвольное толкование названия по тем или иным ассоциациям — в духе наивной (народной) этимологии — распространенное явление в осмысливании географических наименований [Трубе 1969, 182], а пересмысление непонятого названия воплощается в сюжеты этимологических топонимических преданий, передаваемых из поколения в поколение. Подобные рассказы и их варианты встречаются на всем побережье [подробнее о топонимических преданиях обсуждаемого региона см.: Щаднева 2018]. Хотя они и опираются на народную память, информанты зачастую излагают не столько реальные факты, сколько свое видение события, сопровождая осмысление исторического факта элементами вымысла. Примечательно, что по содержанию тексты могут значительно различаться, как, например, следующие версии наивной этимологии названия старовойсковской деревни *Кольки*:

(4) Речь собирателя:

Народная этимология такова: когда-то, в царствование Петра I, в эти места прибыл первый поселенец из Сибири, которого звали Колька. Есть предание, что он бежал от гнева Петра I <...>. Он занимался земледелием, скотоводством, рыболовством. Поселился он на берегу озера. Через некоторое время с другого берега стали приходить люди и устраивать свои жилища. После смерти первого поселенца образовавшуюся вокруг его жилища деревню назвали его именем. (Малые Кольки, 1968)

(5) Речь информанта (женщина 69 лет):

Мыза была в Алацкиви. Барон Нолкин у няво́ сын Николай, наверно оттого. И дочка Соф́ея была, али жанá яво́нна Соф́ья, вот и дярвэня так. Я помню, я была дявчо́нкой, барон ездит в карете парной запряжо́нна. Все кланяются, а яны́ конфеты бросают, а мы, как дурачки, бяго́м за каретами. Ведь барон-то бросил... (Малые Кольки, 1964)

В обеих текстовых иллюстрациях этимология топонима *Кольки* не соответствует действительности: деревня *Кольки* как место рыбной ловли упоминается еще в 1592 г. (*Kolko*), затем в 1601 г. (*Kolk*) [Моога 1964, 57]. Предположение, что деревню назвали по уменьшительно-уничижительному имени сына барона, вряд ли правдоподобно, поскольку в этом слу-

чае топонимом, скорее, стало бы отантропонимическое название *Николаевка*, что более типично для формирования русского топонимикона. Что же касается появившейся в 1878 г. деревни *София / Софиевка*, то в основу этого наименования действительно легло имя графини Софии Штакельберг, которая помогла крестьянам, желающим отселиться от *Колек*, получить участок земли для застройки на новом месте [Рихтер 1976, 104].

Деление на две части самой деревни *Кольки* в топонимическом предании также имеет отантропонимическое объяснение, объектом которого, по сути дела, оказывается и категория числа:

(6) *А што это Малые Кольки, Большие Кольки, так как мне мать говорила, што, значит вот, родились вот: первый родился Коля, ну позднее Николай, после родился опять мальчик и опять, а в нас раньше давали имена в восьмой день и не меняли. И так што дали одной Коля и этому Коля, и ну разбирались, а пусь этот маленький Коля, а этот пусь большой Коля. И прозвали, а как деревню назвать — тогда ещё не было наименований, они назвали вот ту деревню Малые Кольки, а эта — Большие Кольки, вот так и остались. Вот так, как мне мать рассказала, это старина, говорила. Барон вот тогда и разрешил и отдал эту землю староверам.* (Большие Кольки, 2013)

К антропогенным, судя по топонимическим преданиям, информанты относят также топонимы *Кíкита* и *Тíхотка*. Деревня *Кýкита / Кíкита* именовалась и *Никитовкой*, однако предположение, что *Кíкита* мотивирована антропонимом *Никитин* (якобы по имени Ивана Никитина, бежавшего сюда вместе с одним из бояр Морозовых) сомнительно по фонетическим причинам. Староверы, вероятно, ассоциируют возникновение деревни с появлением в ней в первой половине XVIII в. старообрядческой моленной (молельни) на средства московского дворянина Морозова и купца Никитина [Бегунов 1960, 522; в этой публикации деревня названа *Никитовкой*]. Мотивированность же названия *Тíхотка* антропонимом *Тихон / Тихонов* спорна по той причине, что деревня упоминается еще в 1601 г. как *Dehuta*. По данным Л. Михайлова, написание названия неоднократно менялось: *Tihheta, Tiheda, Tugeда, Tiggeda, Тихотка* [Михайлов 2008, 177; ср. также ЕК, 662]. Иными словами, в обоих случаях возможно допущение, что исходные наименования не относятся к славянским.

Составители эстонского топонимического словаря считают антропогенными и параллельные разноязычные названия деревни *Kirepi / Кóстино*, производя их от эстонского имени *Kirep* и русского *Константин (Костя)* [ЕК, 208], но точные сведения об этих людях отсутствуют.

В целом же русский топонимикон региона строится по разным принципам. В топонимической системе региона иногда отражается адми-

нистративное деление территории: *Рая* / *Раюши* — от *Raja* (‘граница, межа’; ср. *Межа* на Пийриссааре), но в первую очередь в назывании поселений учитывались природные особенности местности: 1) береговые очертания (*Ўзмень* / *Ўзменка* / *Їзмень* / *Їзменка* — место сужения, пролив между Чудским и Псковским озерами, именуемый теперь Теплым озером; *Нос* — форма выступа суши в озеро); 2) рельеф местности и цвет почвы (*Красные горы*); 3) специфика места впадения реки в озеро (*Омут*); 4) цвет воды в реке (*Чёрная* / *Чёрный Посад*); 5) характерная фауна (*Муравьёвка*).

К группе номинаций с природной мотивацией примыкает и ойконим *Воронья*, именующий деревню, согласно преданию, по ушедшему под воду острову Вороний / Вороний Камень (напротив деревни в проливе Большие Ворота). Таким образом, на побережье преобладают геогенные топонимы, мотивированные апеллятивами естественно-географического характера. Геогенные особенности возникновения топонимов отражаются и в ряде других преданий, например:

(7) Речь информанта (женщина лет 30):

Лопатам и рукам было всё выстроено. Здесь и дярёв не было, один кустарник. Трудилися, высунувши язык на губы, как сипельги <‘муравьи’>, как в нас говорят. Постылку на себе носили коровам. Свету не видели. А Муравьёвка потому, што тут муравьев много. (Муравьёвка, 1964)

Текст иллюстрирует переплетение двух версий происхождения этого западно-причудского топонима — “природной” и “трудовой”, а последняя соответствует особенностям менталитета староверов, приученных к упорному труду.

Свои топонимические предания с разными вариантами географических номинаций есть и в Обозерье, например:

(8) Речь собирателя:

Любницы возникли 800 лет назад. В деревне насчитывается около 400 домов. Народ рассказывает, что здесь селились беглые бурлаки, которые занимались рыбной ловлей. <...> Говорят, что через эту деревню проезжала Екатерина I, и она ей очень понравилась. Здесь ее встретили очень гостеприимно. Екатерине полюбилась эта деревня, и поэтому ее назвали Любницы. (Любницы, 1970)

(9) Речь информанта (женщина 85 лет):

Дярёвня находится на берегу Псковского озера. Называется Любница, давно так называется. Говоря, в войну Петр I велел бить колбы [в записи значение этого слова не уточняется] — дярёвня Колпина, велел медлить — назвали Медли. В Любнице красивые мястá, рошчы, наверно, зато Любница. (Любницы, 1975)

В последней текстовой иллюстрации жительница деревни *Любница*, объясняя ее название по аналогии с топонимами российского острова *Колпина* (приблизительно в полукилометре от *Любницы*), применяет принцип наивной этимологии: объяснение неизвестного через хорошо известное. Отметим, что этот остров, по некоторым данным, во время Северной войны 1700–1721 гг. заселили русские старообрядцы [Колпина], поэтому упоминание о российских деревнях *Колпино*, *Медли*, *Шартово* может быть обусловлено или конфессиональными и родственными отношениями старообрядцев, или контактами с жителями соседствующих территорий.

Таким образом, оппозиция “свой” — “чужой” проявляется многообразно, отражаясь и в топонимах как явления языка, и в топонимических преданиях.

4. Особенности речевой практики местных жителей

Для этнического самосознания русского населения Западного Причудья и Обозерья характерно устойчивое сохранение русских топонимов, хотя местные русские жители параллельно используют и современные эстонские номинации — порой даже в пределах одного речевого акта. Тем не менее, и сейчас в деревенском узусе предпочтение отдается “своим” названиям, обычно имеющим лексические, фонетические, акцентологические и грамматические варианты, иногда с включением иноязычных речевых особенностей: по устному сообщению О. Н. Паликовой, контаминация русского и эстонского вариантов может наблюдаться даже в артикуляции и, например, эстонский ойконим *Омеду* произносится со своеобразной редукцией гласного — [омьду]. Следовательно, предпочтение “своего” не исключает “чужого”, органично входящего в речь.

О том, что русские народные топонимы остаются актуальными в наше время, определяя область “своего”, свидетельствуют любезно предоставленные автору статьи электронные записи, сделанные 21.01.2016 О. Н. Паликовой и Л. Авво (информант — староверка из деревни *София*, входящей сейчас в единый сельский поселок *Кольки*):

(10) <Мы в деревне София?> Ну все равно у нас теперь Колькья, это раньше была **София**. Теперь только остановка София автобусная. <А адрес, если вам писать?> *Peipsiääre, Kolkja* всё равно. Посёлок *Kolkja* сейчас у нас. <А сами как считаете, где вы живете: в Софии или Кольках?> Ну мы-то так по старинке — всё **София** и **София**. И билет с Тарту покупаешь — София остановка. <А почему София?> Ну, это там какая дочка барона была в Алатскиви... Так вот здесь земли её были вроде. <А Новая Казепель — это тоже только остановка?> Не, раньше так и называли. (София, 2016)

(11) <А как называли?> **Казепель**, ну как по-русски. Это теперь уже так пишут по-эстонски, так и мы Казепя стали говорить, а так **Казепель** да **Казепель**. **Воронья** — теперь **Варнья**. <Почему она Казепель?> Не знаю. Тут по радио говорили, что в переводе это “берёзовая голова”, что ли она выходит. А почему так назвали, не знаю. <А берёзы не росли тут?> Нет, нет там такого, чтоб от берёзы. (София, 2016)

(12) <То есть, если в Русскую Казепель, это к вам?> Да, это Тартуский уезд, а тот Йгевский (= Йыгеваский). Там также деревни **Тихотка** и **Раюши**... **Рая** — тоже деревня **Рая**, а в нас всё **Раюши** да **Раюши**. Мустве тоже звали в **Чёрну**. <Черновской, да, если оттуда?> Да-да. Ветровозы их ещё звали. Потому что, говорят, они с ветра деньги делали. (София, 2016)

Однако народные топонимы в речи местных жителей используются не всегда. Так, при употреблении названия города **Муствез** (ранее **Чёрное село** / **деревня Чёрная** / **Чёрный Посад** и др.), который получил этот статус в 1938 г., предпочтение отдается его современному эстонскому наименованию, что, вероятно, отчасти можно объяснить повышением статуса населенного пункта. Примечательно, что связь со старым народным топонимом сохраняется в производном прилагательном **чарнёвский** (**черновско́й**):

(13) *Када деньги смяшались чарнёвски* <жители **Чёрного Посада**, ныне **Муствез**> *пошли взяли кереньские, дадут бумажку сорок рупь и бярут борова. Чухонцы схватятся — денег нету и борова тожы. Думали шо новые деньги.* (Малые Кольки, 1964)

Существенно, что народные топонимы приняты в повседневном общении как старожиллов, так и живущих в разных городах Эстонии выходцев из этих деревень (обычно людей старшего поколения). В письменной речи старые местные ойконимы употребляют краеведы, журналисты. В то же время в коммуникацию включаются и современные топонимы, использование которых обусловлено характером взаимоотношений участников общения (“свой” или “чужой”) и его целью.

5. Заключение

Итак, в топонимии Западного Причудья и Обозерья прослеживается взаимодействие и взаимовлияние эстонского и русского языков. Вследствие взаимодействия контактирующих языков, а также неоднократного изменения названий большей части появившихся в разное время русских деревень, наименования населенных пунктов с русским населением имеют не только эстонские лексические параллели, но и орфографические, фонетические, акцентологические, морфологические русские варианты — как в исторических документах, так и в речи старожиллов. Русский топонимикон, представленный в регионе как антропогенными,

так и геогенными номинациями, находит отражение в народных топонимических преданиях.

В формировании топонимов и их вариантов наблюдаются встречные процессы заимствования, в результате которых эстонские наименования русифицируются, адаптируясь прежде всего фонетически и морфологически, а русские эстонизируются. В итоге “чужое” усваивается и переходит в область “своего”, тем самым оппозиция “свой” — “чужой”, реализуясь в самом языке, по сути дела, в нем же и элиминируется.

Языковые факты свидетельствуют о том, что оппозиция “свой” — “чужой” реализуется и в обыденной речи, поскольку старожилы отдают предпочтение старым русским названиям и тем адаптированным эстонским номинациям, которые воспринимаются как “свои”. Оба типа номинаций представляют собой привычную для повседневной жизни систему ориентиров на местности. При этом русское население побережья, свободно перемежая местные названия с современными топонимами, использует и те, и другие в зависимости от адресата (“свой” или “чужой”) и цели общения.

Таким образом, проявление географических представлений русских жителей в самих топонимах, в топонимических преданиях и в повседневной речевой практике означает, что реализация идеи “своего” и “чужого”, воплощаясь как на уровне языка, так и на уровне речи, своеобразно формирует этноконфессиональную идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Географические номинации заселенного старообрядцами Пийрисаара в работе не отражены, поскольку топонимам этого острова посвящены статьи Т. Ф. Мурниковой и О. Н. Паликовой [Мурникова 1988; Паликова 2012].

² В прошлом местные топонимы использовались в официально-деловой речи. Так, в документах судебного «Дела о распространении ереси в д. Воронья мещанином Сидором Куткиным» (14.06.1841–29.11.1846) [Агеева 2004, 131–143] упоминаются деревни *Воронья, Черная, Нос, Красногор, Кольки, Казея, Тихотка* и др., а в переписи староверов Причудья 1855 г. содержатся номинации *Красногор, Красногор, Рочина, Нос, Казея, Большой Кольк, Мальй Кольк, Воронья, Кикита, Оммедо, Тихатка, Черная* [там же, 26–103].

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева Е. А., 2004: Из истории староверов Западного Причудья в XIX столетии (по документам Исторического архива Эстонии), in Кюльмоя И. П. (отв. ред.), *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. I. Тарту, 18–143.
- Бегунов Ю. К., Панченко А. М., 1960: Археографическая экспедиция в Эстонское Причудье, *Труды Отдела древнерусской литературы*. Институт рус-

- ской литературы (Пушкинский Дом) (отв. ред. Д. С. Лихачев). Т. 16. Москва–Ленинград, 522–528.
- Выпысу. URL: <https://kylad.rapina.ee/ru/село-выпысу/> (20.02.2018).
- Дубьева Л. В., 2007: Положение старообрядцев Западного Причудья в первой половине и середине XIX века (по документам Исторического архива Эстонии и Государственного исторического архива Латвии), in Кюльмоя И. П. (отв. ред.), *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II. Humaniora: Lingua Russica.* (= Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика X). Тарту, 13–36.
- Калласте. URL: <https://aslend62.livejournal.com/2746.html> (20.02.2018).
- Колпина. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Колпина> (20.02.2018).
- Михайлов Л., 2008: *Поселения Причудья*. Tallinn.
- Мурникова Т. Ф., 1988: Некоторые топонимические наименования на острове Пийрисаар, in *Псковские говоры в их прошлом и настоящем*. Межвузовский сборник научных трудов. Ленинград, 122–126.
- Паликова О. Н., 2012: Отражение географических представлений жителей острова Пийриссаар в их лексике и фольклоре, in Кюльмоя И. П. (отв. ред.), *Acta Slavica Estonica I.* (= Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XV. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III). Тарту, 160–167.
- Паликова О. Н., 2016: Неофициальный антропонимикон русско-эстонской деревни, *Живая старина*. № 3 (91). Москва, 19–24.
- Рихтер Е. В., 1976: *Русское население Западного Причудья (очерки истории материальной и духовной культуры)*. Таллин.
- Рихтер Е. В., 1996: *Кто и как жил на земле Эстонии*. Этнографические очерки. Таллинн.
- Тихонова Е. Л., 2013: Топоним как информационный языковой код в фольклорной исторической прозе, *Вестник Бурятского государственного университета*, № 10. 181–189.
- Трубе Л. Л., Пономаренко Г. М., 1969: Наивная этимология и фольклор в топонимии, in *Ономастика Поволжья*. Ульяновск, 182–185.
- Щаднева В. П., 2017: Языковая картина мира женщины-старообрядки в аспекте «своей-чуждой», in Кюльмоя И. П. (отв. ред.), *Acta Slavica Estonica VIII.* (= Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVII. Свое - чужое в языке и речи). Тарту, 211–226.
- Щаднева В. П., 2018: Топонимические предания староверов Эстонии, *Valoda-2018*. Даугавпилс. (В печати.)
- ЕК = Päll P., Kallasmaa M. (toim.), 2016: *Eesti Kohanimeraamat*. Tallinn.
- Моора А., 1964: *Peipsimaa etnilisest ajaloost: ajaloolis-etnograafiline uurimus*. Tallinn.
- Šor T., 2015: Vanausulised Eestis [Старообрядцы в Эстонии], in Eek L. (toim.), *Mitu usku Eesti*. IV. *Valik usundiloolisi uurimisi: õigeusu eri*. Tartu, 224–249.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

- Ageeva E. A., 2004: Iz istorii staroverov Zapadnogo Prichud'ja v XIX stoletii (po dokumentam Istoricheskogo arhiva Jestonii), in Kjul'moja I. P. (otv. red.), *Očerki po istorii i kul'ture staroverov Estonii*. I. Tartu, 18–143.
- Begunov Ju. K., Panchenko A. M., 1960: Arheograficheskaia ekspeditsija v Estonskoje Prichud'e. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. Institut russkoj literatury (Pushkinskij Dom) (otv. red. D. S. Lihachev). T. 16. Moskva–Leningrad, 522–528.
- Vyypsu. URL: <https://kylad.rapina.ee/ru/selo-vyypsu/> (20.02.2018).
- Dub'eva L. V., 2007: Polozhenie staroobryadcev Zapadnogo Prichud'ja v pervoj polovine i seredine XIX veka (po dokumentam Istoricheskogo arhiva Jestonii i Gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva Latvii), in Kul'moja I. P. (otv. red.), *Očerki po istorii i kul'ture staroverov Jestonii. II. Humaniora: Lingua Russica*. (= *Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika X*). Tartu, 13–36.
- Kallaste. URL: <https://aslend62.livejournal.com/2746.html> (20.02.2018).
- Kolpina. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Kolpina> (20.02.2018).
- Mihajlov L., 2008: *Poselenija Prichud'ja*. Tallinn.
- Murnikova T. F., 1988: Nekotoryje toponimicheskie naimenovanija na ostrove Pijriisaar, in *Pskovskie govory v ih proshlom i nastojashhem*. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Leningrad, 122–126.
- Palikova O. N., 2012: Otrazhenie geograficheskikh predstavlenij zhitelej ostrova Pijriisaar v ih leksike i fol'klоре, in Kul'moja I. P. (otv. red.), *Acta Slavica Estonica I*. (= *Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika XV. Očerki po istorii i kul'ture staroverov Estonii*. III). Tartu, 160–167.
- Palikova O. N., 2016: Neoficial'nyj antroponimikon russko-estonskoj derevni, *Zhivaja starina*, № 3 (91). Moskva, 19–24.
- Rihter E. V., 1976: *Russkoe naselenie Zapadnogo Prichud'ja (očerki istorii material'noj i duhovnoj kul'tury)*. Tallinn.
- Rihter E. V., 1996: *Kto i kak zhil na zemle Estonii*. Etnograficheskie očerki. Tallinn.
- Tihonova E. L., 2013: Toponim kak informacionnyj jazykovoj kod v fol'klornoj istoricheskoi proze. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 10. 181–189.
- Trube L. L., Ponomarenko G. M., 1969: Naivnaja etimologija i fol'klор v toponimii, *Onomastika Povolzh'ja*. Ul'janovsk, 182–185.
- Schadneva V. P., 2016: Jazykovaja kartina mira zhenschiny-staroobryadki v aspekte «svoj-chuzhoj», in Kjul'moja I. P. (otv. red.), *Acta Slavica Estonica VIII*. (= *Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Lingvistika XVII. Svojo – chuzhoje v jazyke i rechi*). Tartu, 211–226.
- Schadneva V. P., 2018: Toponimicheskie predanija staroverov Estonii. *Valoda-2018*. Daugavpils, 2018. (V pečati.)
- EK = Päll P., Kallasmaa M. (toim.), 2016: *Eesti Kohanimeraamat*. Tallinn.
- Moor A., 1964: *Peipsimaa etnilisest ajaloost: ajaloolis-etnograafiline uurimus*. Tallinn.
- Šor T., 2015: Vanausulised Eestis [Старообрядцы в Эстонии], in Eek L. (toim.), *Mitu usku Eesti*. IV. *Valik usundiloolisi uurimisi: õigeusu eri*. Tartu, 224–249.

VALENTINA SHCHADNEVA

Toponymy of the Western Coast of Lake Peipus, Lake Teplou and Lake Pskov in the Aspect of “Own”–“Alien”

The article is devoted to toponyms of the western coast of Lake Peipus, Lake Teplou and Lake Pskov. Firstly, the article discusses the names of the villages in which the Old Believers live. Two ways in which the idea of “own”–“alien” is realized in toponyms are considered. In the first case we are talking about interaction, about the mutual influence of languages: Estonian geographical names are russified, adapted grammatically and phonetically (*Raja* — *Рая* / *Раюша* / *Рáюшу*), and Russian ones are estonified (*Воронья* — *Вáрнья* / *Varnja*). The “alien” is assimilated and eventually becomes “own”, which means the realization of the idea of “own”–“alien” in the language itself. In the second case we are talking about the use of toponyms in everyday communication. Speech practice shows that the Russian population of the coast uses place names depending on the addressee, but preference is given primarily to Russians, as well as long-adapted Estonian-born nominations that are perceived as their own. This is an ethno-confessional identity.

Keywords: Russian language, interaction of languages, toponyms in language and speech, toponymic legend, “own”–“alien”, Old Believers.

VALENTINA ŠČADNEVA

Peipaus, Lemio ir Pskovo ežerų vakarinių pakrančių toponimika priešpriešos “savas” – “svetimas” aspektu

Straipsnyje nagrinėjama Peipaus, Lemio ir Pskovo ežerų vakarinių pakrančių toponimų, visų pirma sentikių apgyvendintų kaimų pavadinimuose, priešprieša “savas” – “svetimas”. Apžvelgiami du “savas” – “svetimas” priešpriešos raiškos vartojant toponimus būdai. Pirmas būdas siejamas su kalbų sąveika: estiški geografiniai pavadinimai rusifikuojami ir adaptuojami (*Raja* — *Рая* / *Раюша* / *Рáюшу*), o rusiški prisitaiko prie estų kalbos (*Воронья* — *Вáрнья* / *Varnja*). Antras priešpriešos raiškos būdas – kasdienė šneka: rusiškai kalbantys pakrančių gyventojai, sentikiai, vartoja toponimus atsižvelgdami į adresatą, tačiau mieliau renkasi rusiškus arba seniai adaptuotus estų kilmės vietovardžius, kuriuos mano esant “savus”. Taip reiškiamas etnokonfesinis identitetas.

Reikšminiai žodžiai: rusų kalba, kalbų sąveika, toponimai kalboje ir šnekoje, toponiminės legendos, “savas” – “svetimas”, sentikiai.

Поступило в редакцию: 31 марта 2018 г.

Принято к печати: 28 апреля 2018 г.

Valentina Petrovna Shchadneva, доктор философии (PhD), специалист по русскому языку отделения славистики колледжа иностранных языков и культур Тартуского университета (Эстония).

Valentina Petrovna Shchadneva, PhD, specialist in Russian Language, Department of Slavic Studies, College of Foreign Languages and Cultures, University of Tartu (Estonia).

Valentina Petrovna Ščadneva, filosofijos mokslų daktarė, Tartu universiteto (Estija) Užsienio kalbų ir kultūrų kolegijos slavistikos skyriaus rusų kalbos specialistė.

E-mail: valentina.schadn@mail.ru

KINGA GEBEN

KULTURA JĘZYKA
POLSKIEGO.

ZMIANY SŁOWNIKOWE
W POLSZCZYŹNIE MÓWIONEJ
NA LITWIE

LENKŲ
KALBOS KULTŪRA.
ŠAKYTINĖS LENKŲ KALBOS
LIETUVOJE LEKSINIAI
POKYČIAI